

Литературный факт.
2024. № 1 (31)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (31), 2024

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-8-31>
<https://elibrary.ru/ZCIRXO>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

В.П. Авенариус. Вечер в редакции (из литературных воспоминаний шестидесятника)

Вступительная статья, подготовка текста и примечания А.Е. Козлова

© 2024, А.Е. Козлов

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук,
Новосибирск, Россия

Благодарности: Работа выполнена в Институте филологии Сибирского отделения РАН при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-78-01115 «Институциональная история журналов “Всемирный труд” и “Заря”: репутация и прагматика критиков и беллетристов, сюжетный и тематический репертуар» (<https://rscf.ru/project/23-78-01115/>).

Аннотация: В научный оборот вводится очерк В.П. Авенариуса «Вечер в редакции», в котором раскрывается литературный быт редакции журнала «Всемирный труд». Небольшой эпизод, маркированный подзаголовком «Из литературных воспоминаний шестидесятника», связан со встречей редакции в доме Э.А. Хана. Этот журнал должен был стать «преемником» «Отечественных записок», объединив критиков и беллетристов, ранее публиковавшихся у А.А. Краевского. Однако общий уровень журнала и сомнительная репутация Хана помешали осуществлению этого замысла: «Всемирный труд» стал всего лишь эпизодом в истории русской журналистики 1860-х гг. Творчество В.П. Авенариуса представляет во многом типическое явление, отражающее тенденции всего журнала: вторая часть дилогии «Поветрие» и повесть «Ты знаешь край?» были восприняты литературной критикой враждебно и охарактеризованы как «геркулесовы столпы пошлости и аляповатого клубничества». Тем не менее, спустя сорок лет после закрытия журнала, Авенариус возвращается к событиям прошлого на страницах своих биографических заметок (бывший свидетелем описанных событий, Авенариус так и не написал литературных воспоминаний, его заметки носят фрагментарный характер). Небольшой эпизод, маркированный подзаголовком «Из записок шестидесятника», связан со встречей редакции в доме Хана. Наибольший интерес для читателя представляют портреты А.Ф. Писемского, В.В. Крестовского и особенно Н.С. Лескова. Во вступительной статье предпринята попытка реконструировать отношения Лескова и Авенариуса, а также обозначить прагматику рассматриваемого очерка. Текст в приложении публикуется с учетом правил современной орфографии

и пунктуации. Публикация подготовлена к 100-летней годовщине со дня смерти Авенариуса, чье литературное и публицистическое наследие требует исследовательской рефлексии.

Ключевые слова: русская литература XIX в., Авенариус, Н.С. Лесков, «Всемирный труд», Н.Д. Ахшарумов, Н.И. Соловьев, В.В. Крестовский, Э.А. Хан, литературные воспоминания.

Информация об авторе: Алексей Евгеньевич Козлов — кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, ул. Николаева, д. 8, 630090 г. Новосибирск, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0016-9546>

E-mail: alexeykozlov54@gmail.com

Для цитирования: В.П. Авенариус. Вечер в редакции (из литературных воспоминаний шестидесятника) / вступ. ст., подгот. текста и примеч. А.Е. Козлова // Литературный факт. 2024. № 1 (31). С. 8–31. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-8-31>

Мемуарный очерк В.П. Авенариуса «Вечер в редакции» был впервые представлен в составе «Пушкинского сборника», появившегося в печати в 1899 г. — к столетию со дня рождения поэта. В предисловии к сборнику, написанном П.П. Гнедичем, Д.Л. Мордовцевым и К.К. Случевским, цель издания объяснялась намерением передать вырученные от продажи средства «на устройство в селе Михайловском, или близ Святогорского монастыря, благотворительного учреждения в память поэта»; «пожертвовать на памятник Пушкину в Петербурге» [23, с. III–IV]. Несмотря на благую цель, состав сборника, включающего два раздела — «Поэзия» и «Проза», получился необыкновенно пестрым, а многие материалы — случайными, часто не только не отвечающими традициям «Литературной газеты» и «Современника», но и приближающимися к «Северной пчеле» и фельетонистике Ф.В. Булгарина [24].

К таким материалам можно отнести и открывающий раздел прозы биографический очерк В.П. Авенариуса¹, в котором описан один из малозаметных эпизодов в истории русской журналистики — литературный вечер, организованный Э.А. Ханом в редакции журнала «Всемирный труд». Этот журнал не смог завоевать сколько-нибудь серьезной репутации даже в условиях кардинальной перестройки журналистики, вызванной событиями 1866 г. [9; 12]. В обращении к читателю в первом номере журнала редакция прямо уведомляла

¹ Авторы-составители разместили произведения писателей и поэтов в алфавитном порядке фамилий: вслед за очерком Авенариуса идет текст К.С. Баранцевича.

о том, что «издатели журналов не в силах создавать талантов, ни даже направлять наличные литературные средства страны в ту или другую сторону, <...> обязуясь в то же время предоставить разнообразное и интересное чтение»² [19]. Ни приглашенные корифеи: И.И. Лажечников, А.Н. Островский, А.Ф. Писемский, ни зарекомендовавшие себя критики: Е.Н. Эдельсон, Н.И. Соловьев, П.Д. Боборыкин, — не смогли повлиять на оценку издания, определившуюся отзывами «Искры», «Дела» и «Отечественных записок». Намерение Э.А. Хана пригласить со временем «литературных генералов» И.С. Тургенева и Л.Н. Толстого так и не воплотилось, поэтому основная ставка была сделана на писателей «второго» литературного ряда, «заштатных публицистов, романистов и критиков» [7, с. 81]: П.Д. Боборыкина, Н.Д. Ахшарумова, В.В. Крестовского и, наконец, В.П. Авенариуса. Такой «антинигилистический состав» редакции хорошо коррелировал с содержанием номеров.

Ставший к концу XIX в. довольно известным детским писателем, стоящим у истоков беллетристической пушкинианы, Авенариус начинал свой путь со злободневных повестей антинигилистического содержания («Современная идиллия», «Поветрие», «Ты знаешь край»). Первые две повести, объединенные в дилогию «Бродящие силы», определили его славу «клубниста» и «эротомана». Сравнивая беллетристику Авенариуса и Боборыкина, обозреватель журнала «Дело» писал: «Обе эти повести пропитаны клубничным запахом; первая же из них, кажется, специально и написана ради изображения разных клубнично-эротических сцен» [7, с. 81]. Повесть «Поветрие» стала предметом пародий П.А. Ефремова («Проветрились!») и М.Е. Салтыкова-Щедрина («Сказание о клубнике»). Вероятно, осознав свою неудачу, Авенариус был вынужден писать статью-оправдание, в которой, признавая излишний физиологизм собственных произведений, он пояснял выбранную им стратегию следующим образом: «Я обязан был до тонкости изложить, так сказать, анатомировать их ситуации; для правдивости рассказа приходится жертвовать некоторою его чистоплотностью...» [2, с. 230].

Впрочем, столкнувшись с негативной реакцией, Авенариус в дальнейшем сменил стратегию позиционирования и достиг

² По утверждению Б.Ф. Егорова, Хан «желал сделать журнал популярным, а литературные произведения в нем такими же привлекательными, как маскарады и танцы, и ясно, что при таких критериях на серьезные философские работы Эдельсона он смотрел без всякого энтузиазма, требовал сокращения, разбил окончание трактата на два номера (второй и третий) и т. д.» [9, с. 601].

определённого успеха как автор-составитель «Русских сказок», исторических повестей и рассказов, часто связанных с детством и отрочеством известных писателей. Таким образом, 1860-е гг. стали для Авенариуса временем испытаний, и, что не менее важно, временем литературной неудачи. Тем больший интерес представляет его самоидентификация — Авенариус называет себя шестидесятником³, хотя по взглядам и убеждениям он, разумеется, был ближе к поколению пятидесятых годов⁴.

Не располагая, за исключением мемуаров П.Д. Боборыкина⁵, иными биографическими свидетельствами, связанными с журналом Э.А. Хана, следует с некоторой осторожностью отнестись к фактографии печатаемого очерка. Не исключено, что под маской беспристрастного летописца выступает прагматик, обращающийся к страницам прошлого и перетолковывающий их в выгодную для себя сторону. Так, например, в непринужденном и отчасти фамильярном тоне общения А.Ф. Писемского, В.В. Крестовского и Н.С. Лескова угадывается сюжетика антинигилистического романа, с той только разницей, что в роли «отрицателей» выступают главные консерваторы журнала. Особой двойственностью отличается воссозданный портрет Лескова-Стебницкого (очерк был опубликован спустя 4 года после его смерти). Создавший себе репутацию антинигилиста и «постепеновца», Лесков, после закрытия «Библиотеки для чтения» и «Эпохи» искал для себя новую площадку [17; 28], и «Всемирный

³ Авенариус окончил физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета со степенью кандидата естественных наук в 1861 г. [32, с. 16]. Таким образом, разделяя эстетические убеждения предшествующего десятилетия, он, действительно, принадлежал поколению шестидесятых годов. Этим, вероятно, объясняется и радикальный физиологизм его ранних повестей.

⁴ Название «пятидесятник», данное П.Д. Боборыкиным [5, с. 20], не прижилось в этом значении.

⁵ Судя по воспоминаниям Боборыкина, его знакомство с Ханом носило номинальный характер, членом редакции молодой автор «Жертвы вечерней» себя не ощущал: «случилось так, что в Петербурге стал выходить новый толстый журнал “Всемирный труд”. Издатель его оказался тот самый доктор Хан, который водил меня от академика Зинина к книгопродавцу М. Вольфу, когда я, дерптским студентом, приехал в мае 1856 года искать издателя для моего перевода “Руководства к химии” Лемана. Мы с ним познакомились на письмах, и я его так и не видал впоследствии. к моему возвращению в Россию в январе 1871 года “Всемирный труд” прекратил свое существование, а вскоре, кажется, и его издатель отправился “ad patres”» [6, с. 456]. Последнее уточнение является ложным: Хан значительно «пережил» свой журнал.

труд», по-видимому, подходил для этой роли. Об этом он, в частности, извещал Е.П. Ковалевского⁶:

В это время редактор «Всемирного труда» доктор Хан обратился ко мне с просьбою о сотрудничестве в открываемом тогда им журнале. я благодарил доктора Хана за его внимание и отвечал ему, что моя работа и мое время принадлежат уже другому изданию. Затем мы с г. Краевским не умели поразуметься. Доктор Хан, известясь об этом по литературным слухам, прислал ко мне товарища моего Всеволода Крестовского и литератора Н.И. Соловьева с предложением внести за меня г. Краевскому весь мой долг и заплатить мне за роман «Чающие движения воды» по 150 руб. за лист. Не соблазняясь ни на минуту выгодным для меня предложением, я не дал своего согласия доктору Хану, а написал об этом г. Краевскому, предоставляя это дело его великодушию. Г-н Краевский, сообразив сделанное мне предложение доктором Ханом, известил меня через товарища моего литератора Е.Ф. Зарина, что он предлагает мне за роман по сто рублей за лист. Как это ни было невыгодно для меня потерять по 50 р. на сорокалистном романе, но я отклонил предложение доктора Хана и продолжал роман для г. Краевского [14, с. 262–263].

Испытывая нужду и практически не считаясь со способом получения денежных средств, Лесков, тем не менее, отклонил повторную просьбу Хана: ни одно произведение, подписанное именем М. Стебницкого, так и не появилось на страницах «Всемирного труда»⁷. Это явным образом контрастирует с выбором В.П. Авенариуса, решившегося опубликовать вторую часть своей дилогии в новом журнале. По-видимому, в истории взаимоотношений Авенариуса и Лескова есть пропущенные звенья. Как бы то ни было, в том же 1867 г. после неудавшегося сотрудничества автор «Воительницы» и «Леди Макбет Мценского уезда» пишет фельетон «Литератор-красавец», направленный не только на уничижительную оценку последней повести Авенариуса «Ты знаешь край» (Лесков называет его новым Чурилой Опленковичем), но и задевающий интересы редакции:

Журнал г. Хана до сих пор возбуждает лишь злорадный смех литературных свистунов да удивление серьезных друзей литературы,

⁶ Авенариус как член Литературного фонда мог знать о содержании этого письма и использовать как материал для своего очерка.

⁷ В том же году Лесков напечатал драму «Расточитель» в журнале «Литературная библиотека» (1867).

пожимающих только плечами при чтении печатаемого в нем хлама; между тем как журнал этот, при независимости его редактора и очевидной готовности его вести свое дело в возможно совершеннейшем виде, мог бы служить обществу серьезную службу, а не быть предметом одних насмешек, к сожалению далеко не обосновательных [13, с. 54].

После опубликованной им инвективы Лесков, вероятно, разорвал отношения с редакцией; в скором времени беллетристический отдел покинули Писемский и Островский.

Возвращаясь к страницам прошлого, Авенариус, с одной стороны, знакомит читателя со своеобразным «литературным бытом», неотделимым в его очерке от обыденности. Тогда можно рассматривать его воспоминания как свидетельство, в котором отобразилось устройство редакции заведомо второстепенного журнала. с другой стороны, обращаясь к событиям своей писательской юности, Авенариус нарочито перестраивает фактографию, демонстрируя непомерное самомнение литератора-чиновника Писемского, непредсказуемое и отчасти девиантное поведение представителей «трущобной беллетристики» Лескова и Крестовского и, наконец, незавидное положение «записного» критика редакции Соловьева.

В этом отношении основную интригу составляет выбор темы и материала — в опубликованных и черновых произведениях Авенариуса есть множество сюжетов из жизни Пушкина, отчасти взятых им из «Материалов к биографии...» П.В. Анненкова, отчасти представляющих его самостоятельные разыскания. Тем не менее, для юбилейного сборника писатель выбрал тему, отстоящую от его пушкинистики, но сближающую читателя с эпохой полемического романа. Остается только предполагать, что такой выбор мог отчасти соответствовать некоторой сатисфакции, и возможности «отыграть» события прошлого, представив их в выгодном для себя свете [16; 31]. «Фермент недоверности», о котором подробно писала Л.Я. Гинзбург, способствовал перестройке исходного материала [8] и превращению жизненного опыта в сюжет литературных воспоминаний.

Очерк публикуется с учетом правил современной орфографии и пунктуации. Орфографические ошибки исправлены без оговорок. Комментарии даны в постраничных сносках.

В.П. Авенариус
Вечер в редакции
(из литературных воспоминаний шестидесятника⁸)

В сентябре 1866 г. скончался Дудышкин, «второй» редактор «Отечественных записок», фактически заправлявший всей редакцией⁹; а вслед затем, по особому соглашению «первого» редактора и издателя этого журнала Краевского с Некрасовым, последний сделался настоящим хозяином «Отечественных записок»¹⁰. Доктор Хан, имевший свою собственную типографию и сам издавший уже несколько книг, счел момент наиболее удобным для основания нового литературного органа «умеренного» направления. Назвал он его, — не совсем, пожалуй, удачно — «Всемирным трудом»¹¹.

⁸ Традиционно «шестидесятниками» называли не только и не столько людей поколения 1860-х гг., сколько разночинцев и передовую молодежь, близкую к типу «нового человека». Авенариус, в противоположность этой номинации, будучи автором антиингилистической прозы, наряду с Ахшарумовым и Боборыкиным, относился к консервативному лагерю людей 1850-х гг. Говоря о поколении 1840-х и 1860-х гг., Боборыкин утверждал: «Этим двум периодам или эпохам в истории русской литературы особенно посчастливилось, и мне нет надобности распространяться о том, какие генерации, какие идеи относятся и к той, и к другой полосе. Но разве не правда, что два замечательных десятилетия как бы забыты нашей критикой: 30-е и 50-е годы?» [5, с. 24].

⁹ С 1863 г. редактор «Отечественный записок» А.А. Краевский большую часть времени уделял своему новому проекту — газете «Голос». С.С. Дудышкин, занявший место второго редактора, по многочисленным свидетельствам, действительно, был главным лицом редакции до своей внезапной гибели.

¹⁰ В 1866 г. правительственным распоряжением был закрыт журнал «Современник». Н.А. Некрасов и А.А. Краевский пришли к соглашению о передаче «Отечественных записок» бывшему издателю «Современника»; редактором обновленных «Отечественных записок» стал М.Е. Салтыков-Щедрин. Соглашение было принято в штыки другими либеральными редакциями, а на страницах сатирических еженедельников публиковался шарж, изображающий Некрасова и Краевского как заговорщиков [33, с. 392]. Э.А. Хан позиционировал «Всемирный труд» как издание, продолжающее линию «Отечественных записок» до 1866 г.

¹¹ Э.А. Хан не был профессиональным литератором или издателем. До журнала «Всемирный труд» он издал несколько учебных пособий по медицине и самоучитель по иностранному языку. Качество осуществленных им переводов критиковалось. Рассказывая о своем естественнонаучном образовании, П.Д. Боборыкин в частности, оценивает сделанный Ханом перевод книги Эстерлена как «местами очень плохой, с варварскими германизмами и с уродливыми переделками терминов» [6, с. 169].

В одном из фельетонов «Искры» дана его следующая характеристика: «Доктор Хан, редактор будущего “Всемирного труда”, хорошо известен в литературе как сочинитель (?), составитель (?) и издатель многих весьма полезных и дельных книг, так известны его хорошие руководства для самоучек к изучению французского и английского языков... Доктор Хан, нужно полагать, как человек практический (иным доктор и не может быть, да это видно и из многих изданных им книг) поведет и свое дело (?) практически, т. е. хорошо... Если бы в Петербурге не было библиотек, где можно было бы пользоваться всеми вообще журналами, я непременно пожертвовал бы 15 рублей на “Всемирный труд” (Чего ж вам больше — это одно

Расчет же его оказался в том отношении верным, что большинство прежних сотрудников «Отечественных записок» не отказалось принять участие в новом журнале. В числе их был и я, начинающий еще писатель¹². Для большего сплочения своих сотрудников доктор Хан «прикармливал» их: по средам мы собирались у него на «стакан чаю», за которым следовала всегда и закуска.

В одну из таких сред Писемский, напечатавший уже во «Всемирном труде» своих «Самоуправцев», должен был прочесть нам свою новую драму «Поручик Гладков», предназначенную для этого же журнала¹³. Однажды прежде мне удалось уже слышать Писемского на одном публичном чтении, где он с неподражаемым искусством читал отрывок из своего романа «Богатый жених»¹⁴. А теперь представлялся случай услышать от него целую драму! Понятно, с каким нетерпением я ожидал среды.

Жил доктор Хан в то время на Болотной улице (теперь Коломенская)¹⁵ в небольшом деревянном домике. Еще в передней до меня

доказывает, что такое будет “Всемирный труд”» [29, с. 610] (вопросительные знаки расставлены автором фельетона. — А.К.).

¹² К 1867 г. В.П. Авенариус кроме сборника стихотворений опубликовал повести «Современная идиллия» («Отечественные записки», 1865) и «Поветрие» («Всемирный труд», 1867). Диалогия, получившая название «Бродящие силы», определила литературную и социальную репутацию писателя как клубнициста-эротомана, автора очередного пасквиля на «новое поколение». Как писал по этому поводу Салтыков-Щедрин, «у г. Авенариуса нет данных даже для этой чисто внешней занимательности. Происшествия, которые он рассказывает, или, лучше, размазывает в своем сочинении, суть происшествия самые несложные, даже почти глупые. Это просто обыденные физические отправления, которым подвержен всякий человек, независимо от его внутренних определений, и которые повторяются с однообразием, могущим составлять предмет наблюдения для физиолога, но никак не для романиста» [25, с. 238]. Не лишено интереса то, что в своих воспоминаниях Боборыкин приписывает сходный отзыв Салтыкова своему произведению «Жертва вечерняя»: «Но в “Отечественных записках” взглянули на нее как на роман чуть не порнографического характера, и в анонимной рецензии (она принадлежала, кажется, Салтыкову) прямо было сказано, что такие вещи пишутся только для возбуждения половых инстинктов. Такой приговор останется на совести того, кто его произносил, или его тени» [6, с. 456].

¹³ Драммы «Самоуправцы» («Всемирный труд», № 2) и «Поручик Гладков» («Всемирный труд», № 3) А.Ф. Писемского были опубликованы в 1867 г. Таким образом, описанный вечер в редакции должен был состояться не позднее февраля 1867 г.

¹⁴ Роман «Богатый жених» печатался в журнале «Современник» в 1851–1852-х гг.

¹⁵ Название улицы Болотной неоднократно становилось поводом для уничижительных насмешек: это дало основание сравнить редакцию журнала с болотом в «Искре», к подобной параллели обратился и Лесков в своем очерке «Литератор-красавец».

донесли из хозяйского кабинета два знакомых голоса: самого редактора и присяжного критика «Всемирного труда» — Соловьева¹⁶:

— Да мы залучили уже и Островского, и Писемского¹⁷...

— Мало, Мануил Алексеевич, мало! Дайте нам Тургенева и Толстого¹⁸!

— И их пригласим, когда журнал пойдет в ход.

— Да для этого-то и нужно их участие! Теперь, когда безвкусице распространяется прогрессистами, нам для художественных произведений нельзя жалеть денег.

— Вы, Николай Иванович, считаете деньги в чужом кармане. Последний номер мне и без того обошелся в две тысячи...

На этом мне пришлось прервать их разговор и войти в хозяйский кабинет. Кабинетом в обыкновенном смысле слова, впрочем, его нельзя было назвать: вместо книжных шкапов, по стенам было только несколько полок с собственными изданиями хозяина, а письменный стол заменялся небольшой конторкой. о каких-либо украшениях, как то: картинах, бюстах или коврах, не было и помину.

Сам Мануил Алексеевич стоял за своей конторкой, на которой были разложены корректурные листы. Не думаю, чтобы ему было уже сорок лет; но в курчавых, темно-каштанового цвета волосах, в густой, подстриженной бородке его пробивалась уже седина. Своим простым, непритязательным видом, а также семитическими чертами лица он скорее напоминал заурядного конторщика, чем редактора-издателя «толстого» журнала¹⁹. Увидев меня, он со своей всегдашней спокойной приветливостью протянул мне руку:

— Здравствуйте. Пройдите, пожалуйста, в гостиную, да возьмите с собой и Николая Ивановича. Хорошо, хорошо! — кивнул он Соловьеву: — после договорим; вы видите ведь, что мне надо сдать еще в типографию корректуру.

Николай Иванович нехотя последовал за мною в гостиную.

¹⁶ Николай Иванович Соловьев (1831–1874) — литературный критик, до этого заявивший о своей консервативной позиции в «Эпохе» и «Отечественных записках».

¹⁷ Драматическая хроника в стихах «Тушино» А.Н. Островского была напечатана в первом номере журнала («Всемирный труд», № 1).

¹⁸ Отсутствие в составе редакции Н.Н. Страхова определило равнодушие Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского к проекту Э.А. Хана. При этом оба писателя приняли участие в беллетристическом отделе журнала «Заря».

¹⁹ Национальность Хана неоднократно становилась предметом ксенофобских выпадов в адрес редакции. При этом парадоксальным образом журнал обвиняли в тенденциозном панславизме (крайнем славянофильстве) и шовинизме [12, с. 13].

— Горбатого одна могила исправит! пробормотал он. — И этот коммерсант хочет руководить литературным вкусом нашего общества!

Лично я пользовался почему-то особенным благоволением Соловьева, — быть может, потому, что был благодарным слушателем его эстетических разлагольствований. Странные противоречия, право, встречаются в природе человека: проповедует он одно, а сам делает другое; совершенно как Пушкинский «отшельник»:

«Как в церкви вас учу, так вы и поступайте;
Живите хорошо, а мне не подражайте»²⁰.

²⁰ В лицейском стихотворении Пушкина «К другу стихотворцу» эти слова принадлежат не отшельнику, а священнику. Сходная небрежность была допущена Авенариусом в повести «Ты знаешь край»: «Сделав шагов двести, я действительно достиг ограды, за которой, в значительной глубине, расстилалась голубая ширь залива. с мерным плеском разбивались о подножие отвесной, голой скалы набегавшие пеннистые волны. В вышине, рядом со мною, возвышалось на краю обрыва, как бы составляя продолжение его, каменное строение, с надписью над воротами: Grand hôtel du Tasso, par les frères Gargiulo.

Так вот, подумал я.
Где пел Торквато величавый,
Где и теперь во мгле ночной
Адриатической волной
(в Неаполитанском-то заливе?).
Повторены его октавы!» [3, с. 34].

С таким фамильярным отношением к цитированию Пушкина был категорически не согласен Лесков. В статье «Литератор-красавец» он писал: «Что тут такое изумило красивого литератора? Что за несообразность, достойную своего удивительного звания, нашел он в приведенных им стихах Пушкина? Думает ли он, а с ним вместе думает ли и почтенная редакция журнала “Всемирный труд”, что Торквато величавый сидел и пел, как скворец в скворечне, только в своем маленьком домике на берегу Неаполитанского залива, а Пушкин не знал ни истории жизни Тассо, ни географии?»

Всёконечно у красивого Авенариуса была именно эта злодейски-меткая мысль уязвить Пушкина.

Неужто ни г. Авенариусу и никому из сотрудников, принимающих участие в издании “Всемирного труда”, неизвестно, что Торквато Тассо уехал из Сорренто восемнадцати лет и что Пушкин в осмеянном г-м Авенариусом стихотворении, говоря об октавах Тассо, имел в виду значение этих октав для Италии, а не для трактирчика, устроенного в долине, где родился Тассо?

Италия! волшебный край!

говорит Пушкин в этом стихотворении, обращаясь с ним не к трактирчику, с которым связал октавы Тассо просвещенный Авенариус, а ко всей Италии! <...> Какое надо иметь несчастное соображение, чтобы не понять, что все здесь сказанное идет к Италии, к “стране высоких вдохновений”, где и Канова, и Рафаэль, и Байрон, а не к трактирчику, устроенному в домике, где жил Торквато ребенком и где (то-есть в трактирчике), к которому г. Авенариус так смешно припугал строфу Пушкина, гарсоны, пожалуй, могут, не зная даже ни одной тассовской октавы» [13, с. 51–52].

Ирония судьбы заключается в том, что в дальнейшем Авенариус становится одним из первопроходцев в создании беллетристической пушкинианы.

Будучи самым ярким поборником искусства для искусства, красоты и в поэзии, и в жизни²¹, Соловьев нимало не заботился о том, чтобы придать своей собственной неприглядной внешности некоторую, — не говорю уже красоту или привлекательность, — а хотя бы порядочность, что было бы вполне естественно в его годы (ему едва ли минуло тогда уже тридцать лет). Малого роста, невзрачного вида, он и одевался крайне небрежно, не имел при себе для своих длинных волос ни щеточки, ни гребенки, и не обращал никакого внимания на свои ногти, которые были неизменно «в траурной рамке»²². Объяснялось это, конечно, его необыкновенною рассеянностью. Зато как свеж и чист был он душою! Как искренно восторгался всяким новым произведением не только корифеев литературы, но и менее талантливых приятелей своих: Лескова и Всеволода Крестовского!

Оба они были уже в гостинной и собрали около себя небольшую аудиторию. Лескову было тогда 35 лет, Крестовскому — 27. Первый из них, известный в то время читающей публике только под псевдонимом Стебницкого, своими тенденциозными романами имел уже у «консервативных» читателей большой успех; являясь же в обществе, он, благодаря своему энергическому обращению и резко выражаемым взглядам, быстро овладевал общим вниманием²³. Соперником его на этом поле мог выступить только друг его — Всеволод. Кто знал Крестовского лишь впоследствии солидным полковником с хроническим кашлем и одышкой, охотнее всего дебатировавшим на политические темы, тому трудно, конечно, представить его себе жизнерадостным молодым штатским, которому стеклышко в глазу, при светской развязности и умении одеваться, придавало как бы некоторую фатоватость²⁴. Но впечатление это тотчас терялось, когда

²¹ Такая позиция транслируется критиком в его программных статьях 1867 г.: «Принципы жизни» («Всемирный труд», № 1) «Суета сует» («Всемирный труд», № 2) и «Идеаль» («Всемирный труд», № 3–4).

²² В портрете критика угадывается типаж «маленького человека» русской литературы.

²³ После публикации романа «Некуда» Н.С. Лесков подвергся ostracismu со стороны большинства периодических изданий. Его дурная слава после известного ультиматума Д.И. Писарева («Найдется ли в России хоть один честный писатель, который будет настолько неосторожен и равнодушен к своей репутации, что согласится работать в журнале, украшающем себя повестями и романами г. Стебницкого?») [22, с. 275]) закрыла ему путь во многие издания. Несмотря на предложение стать штатным сотрудником журнала «Всемирный труд», неуживчивый Лесков довольно быстро разошелся с редакцией.

²⁴ Жизнь Вс. Крестовского, действительно, демонстрирует необычную двойственность: сын уланского офицера, он в 1850–1860-х гг. эпатировал своим дендизмом и подчеркнутой маргинальностью. Тем не менее, закончив работу

он начинал что-нибудь рассказывать: он всем существом отдавался своему рассказу, нервно моргая и подергивая плечом, и огнем своим зажигал всех слушателей.

В стороне на диване сидели только двое: сухощавый старик с гладко выбритым лицом и живыми, острыми глазами, Милюков, которого я уже видел прежде²⁵, и незнакомый мне еще средних лет мужчина с лысиной во всю голову и добродушно-апатичной миной. На мой вопрос о нем, Соловьев объяснил, что это Ахшарумов, который, дескать, дает для нашего журнала «капитальнейшую» вещь — «Граждане леса», якобы сказку, но глубоко социального значения²⁶.

— Так значит не для детей? — спросил я.

— О, нет! «Граждане леса» — это разные лесные животные, которые, по указанию одного ссыльного, учреждают конституционное царство. и сколько наблюдательности, сколько юмора в отдельных сценах! Одна прелесть!²⁷

Доктор Хан, покончивший между тем со своей корректурой, то и дело заглядывал в переднюю, начиная уже беспокоиться, что самый почетный гость, пожалуй, и не будет. Но беспокоился он напрасно: около десяти часов в дверях показалась тучная фигура ожидаемого.

Чиновники того времени по большей части брили бороду, особенно в провинции. Писемский, хотя и состоял советником

над «Петербургскими трущобами», Крестовский становится в 27 лет юнкером, в 30 лет — офицером. Его служебные занятия и военные корреспонденции контрастируют с так называемым «трущобным творчеством» 1860-х гг.

²⁵ Александр Петрович Милюков (1816–1897) — русский критик. В период, описанный в очерке, ему был 51 год — он не был стариком, но, вероятно, казался таким на контрасте с большинством гостей.

²⁶ Николай Дмитриевич Ахшарумов (1820–1893) — критик и писатель, наиболее известный своей статьей «О порабощении искусства» («Отечественные записки», 1857). В журнале «Всемирный труд» была опубликована его аллегорическая повесть «Граждане леса», а также литературные разборы романов Толстого, Достоевского и Ауэрбаха.

²⁷ В силу необычности жанра аллегорическая повесть Ахшарумова не вызвала серьезного обсуждения в русской критике. А.С. Суворин объяснял возникшую трудность так: «Никто не поверит в наше время, чтобы человек очевидно неглупый, владеющий пером, одаренный наблюдательностью и талантом рассказчика, в продолжении нескольких лет и на многих страницах, тянул ради собственной потехи все на один лад: “Жил-был у бабушки серенький козлик”. <...> Но и теперь уже очевидно, что г. Ахшарумов подвергся той самой опасности, от которой он предостерегал своих собратий. Чтобы явить миру полную независимость своего творчества от предвзятых идей и внешних теорий, он стал нарочно сочинять небылицы в лицах; но сила таланта и ума расцветила эти пустяки живыми образами, оригинальными мыслями и взглядами, и сочинения автора получили тот самый резко-дидактический характер, который, по словам г. Ахшарумова, служит порабощением для искусства» [30, с. 1].

губернского правления (если не ошибаюсь — тверского), но вольнодумно отпустил себе и усы и бородку, — что придавало его широкому, типически-великорусскому лицу вид раздобревшего барина «доброего старого времени»²⁸.

— Заспался, не взыщите, — извинился он перед хозяином: — проклятая привычка — отдыхать после обеда.

Скоро ли все эти господа с ним поздороваются! Скоро ли сам он допьет свой стакан чаю! Наконец-то!..

— Ну, что же, начнем, сказал он, — подходя к выдвинутому на средину комнаты овальному столу с двумя свечами и стаканом сахарной воды. — Прошу забыть наш век и перенестись во времена Биронщины.

Усевшись поудобнее в пододвинутом ему хозяином кресле, он раскрыл перед собою объемистую рукопись, состоявшую из отдельных листков в четвертушку. Мы все поспешили запасть стульями и разместиться вокруг, — и чтение началось.

Драма «Поручик Гладков» принадлежит не к лучшим произведениям Писемского. Но что значит хорошее чтение! По мере того, как одна сцена сменялась другою, перед нами проходил ряд живых людей и жизненных картин, восставала все ярче эпоха Бирона. Между отдельными актами читающий делал небольшую передышку, и тогда все кругом оживало, вполголоса обменивалось между собой впечатлениями. Как только автор принимался опять читать — все разом умолкало и обращалось в слух. Раз как-то неугомонный Крестовский шепнул что-то на ухо своему соседу, и тот фыркнул. Но Писемский повел в их сторону глазами — и оба замерли²⁹.

Кончилось чтение уже далеко за полночь.

— Уф! тяжеленько! — произнес Писемский, отдуваясь.

Все присутствовавшие окружили его, чтобы принести свою благодарность за доставленное наслаждение.

— Не за что, господа, уклонился он. А вот вы лучше скажите-ка: не имеется ли у кого серьезных замечаний?.. Ну, что же? — про-

²⁸ Начавший службу в Костромской палате государственных имуществ, Писемский завершил карьеру в московском губернском правлении. Не исключено, что, говоря о службе Писемского, Авенариус путает его с карьерой Салтыкова-Щедрина — тверского вице-губернатора.

²⁹ Сходный отзыв о чтении Писемского оставил в «Литературных воспоминаниях» И.И. Панаев: «Писемский читает, как актер, — он, так сказать, разыгрывает свою пьесу в чтении...» [21, с. 208]. В очерке Авенариуса довольно отчетлив контраст между «самоучками» Крестовским и Лесковым и именитым литератором Писемским.

должал он, окидывая безмолвствующих вопросительным взглядом и останавливая его на Ахшарумове: Вы-то хоть, Николай Дмитриевич, не скажете ли чего? Вашим мнением я очень дорожу³⁰.

Критическое чутье Ахшарумова проявилось особенно впоследствии в его замечательном разборе «Преступления и наказания» Достоевского³¹. Теперь он, по своей скромности и деликатности, не решился, по-видимому, в присутствии стольких свидетелей, высказаться слишком открыто. Тихим голосом, почти застенчиво, он в немногих словах очень рельефно выставил достоинства трагедии, а затем мимоходом добавил, что только в четвертом действии Бирон как будто изменяет себе; недостает нескольких штрихов...

— Да вот, Александр Петрович, как преподаватель словесности и записной критик, лучше меня, конечно, это объяснит, — заключил он, указывая на стоявшего рядом Милюкова.

Милюков, точно заранее приготовившись к лекции, в сдержанной и «корректной» речи указал на недостающие «штрихи», и замечания его оказались настолько обдуманно и меткими, что Писемский только поморщился, но ничего не нашел возразить.

— А что вы скажете насчет общего движения в драме? — спросил он.

— В том же четвертом действии, где собираются у Бирона гости, действительно не мешало бы движение несколько ускорить, неожиданно подал тут голос Соловьев, — а затем устранить вообще эти гастрономические рассуждения между Бироном и Куракиным...

— Это зачем? — спросил Писемский, медленно поворачивая голову и свысока озирая малорослого критика, как оглядел бы начальник школы ученика-мальчишку, дерзнувшего высказать перед ним свое собственное мнение³².

— Затем, что тема в той форме, как у вас, признаться, довольно неэстетичная.

— Да, может, так и нужно?.. Однако мне и домой пора...

— Помилуйте, Алексей Феофилактович! — засуетился доктор Хан. — Сейчас будет закуска...

³⁰ Н.Д. Ахшарумов в 1860 г. выступил с разбором драмы А.Ф. Писемского «Горькая судьбина» как независимый эксперт, приглашенный комиссией по присуждению Уваровской премии [10, с. 122].

³¹ Разбор «Преступления и наказания» Ф.М. Достоевского, как и «Войны и мира» Л.Н. Толстого печатался на страницах журнала «Всемирный труд».

³² В этой мизансцене реализован мотив «маленького человека» (критика) перед начальством (именитым писателем).

— Я не ужинаю: врачами запрещено³³.

— Да и мне тоже, — сказал Ахшарумов. — Нам с вами, Алексей Феофилактович, ведь по дороге. До свидания, Мануил Алексеевич.

Напрасны были дальнейшие упрасивания хозяина, и ему ничего не оставалось, как проводить обоих до передней. Тут на Соловьева со всех сторон посыпался град упреков:

— Ах, Николай Иванович, Николай Иванович! А все вы с вашей эстетикой! Спрашивал он наше мнение, очевидно, только для того, чтобы услышать общие похвалы.

— Не могу я хвалить, господа, коли мне что претит! — оправдывался бедный Николай Иванович. — Правда и красота для меня выше всего.

— Да если иная правда безобразна?

— Так изображай ее так, чтобы читателя не коробило... Ведь вот Крестовский, по моему совету, отказался же от первой своей мысли — заставить своего Вересова есть дохлую кошку³⁴.

— Ну, уж извините! — громко расхохотался Лесков: этот перл принадлежал не Всеволоду, а мне.

— Что такое? Какая там дохлая кошка? — заинтересовались окружающие.

— Да помните в «Петербургских трущобах» эпизод, когда Вересов, выпущенный из тюрьмы, не зная, где преклонить голову, находит наконец приют на Фонтанке в каюте зазимовавшей пустой барки?

— Под мерзлой рогожей около бездомной же собаки со щенятами? Но там он с голоду гложет только кость³⁵...

³³ Тема пищеварения и лечения желудка регулярно встречается в эпистолярии Писемского.

³⁴ Имеется в виду глава «Ночлежники в пустой барке».

³⁵ «И он, зацмокав губами, как обыкновенно это делается, когда хотят приманить собаку, ласково стал гладить рукою ее кудластую голову. Инстинкт ли подсказал животному, что подле него находится не злое существо, или другая тому была причина, только собака не изъявила более неудовольствия и беспрепятственно позволила гладить свою голову. Снова послышался слабый визг щенят, и сука поспешно удалилась к своим детенышам. Вересов, осторожно ощупывая перед собою барочную настилку, пополз вслед за нею: он хотел улечься рядом. и вдруг рука набрела на старую, брошенную рогожу. Это была находка, которая его очень обрадовала. Уж он совсем было подползал к логовищу собаки, но та выказала самое решительное намерение сопротивляться. Она встретила его злым и грозным рычаньем, не подпуская к своим щенятам, так что Вересову поневоле пришлось вернуться и лечь на прежнее место. Он покрылся найденной рогожей, только лег не совсем-то ловко, потому — под бок что-то жесткое кололо. Ощупавши, Вересов убедился, что это была обглоданная кость. <...>

— А это уже смягченная вариация Николая Ивановича. Захожу я раз под вечер к Всеволоду. В передней у него, гляжу, ждет уже рассыльный из типографии, а в кабинете сидит сам Всеволод у письменного стола мрачнее ночи. В чем дело? — «Да вот так и так, — говорит, — надо сейчас отправить рукопись в набор, да никак не придумую: чем бы позабористее накормить моего голодного героя?» Ну, что ж, вместе поразмыслим; ум хорошо, два лучше. и вот, только что каждый из нас придумал подходящее блюдо: он — дохлую ворону, а я — дохлую кошку, — как входит Николай Иванович. Предоставили мы ему на выбор: что реальнее? А он в ужас пришел: «Бога в вас нет, господа! Разве нельзя быть реальным, не возбуждая в читателях тошноты? Хоть бы кость взяли, что ли». Потолковали мы, потолковали и ограничились костью, разумеется, уже обглоданной собакой.

Во время этого разговора, по распоряжению хозяина, был накрыт стол, на котором, кроме водки и пива, появились на этот раз еще несколько бутылок вина и закуска разнообразнее обыкновенного; экстренное угощение, очевидно, было предназначено для отбившего уже почетного гостя. По мере того, как пустели бутылки, беседа становилась все шумнее, но в общем гомоне всего громче звучал голос Лескова. Главною темою служили, разумеется, разные течения современной литературы. Когда тут речь зашла об одном из передовых бойцов противоположного лагеря, Лесков со сверкающими глазами вскочил с места и ударил кулаком по столу так, что вся посуда кругом запрыгала и зазвенела:

— Да я его сейчас собственноручно вздернул бы на первом фонарном столбе³⁶!

И он, преодолевая последний, уже слабый остаток отвращения, вгрызся в нее зубами. Но едва лишь почувяли эти голодные зубы ничтожный намек животной пищи, как настала для них самая жадная и яростная работа. Брезгливость и отвращение тут уже сразу исчезли.

С остервенением грыз и глодал он эту кость, скоблил ее зубами, стараясь высосать из нее хоть какие-нибудь питательные частицы; раза два замерзлый и твердый хрящ на зубах его хрустнул — и Вересов поторопился проглотить его с величайшею жадностью; но вслед за тем все остальные усилия его выгрызть и высосать что-либо еще из этой кости остались вполне безуспешны. Собака на этот счет уже давно предупредила его» [18, с. 345].

³⁶ Такая риторика созвучна публицистическому памфлету Лескова «Русское общество в Париже»: «наши наглые и невежественные революционеры, считающие в обязанностях своего звания рвать всем носы и наступать на ноги, пока не получат сами хорошей затрещины» [15, с. 244].

— Однако! — вполголоса заметил я сидевшему около меня Соловьеву, который после понесенного давеча поражения был молчаливее других и только усиленно курил, причем, не докурив ни одной папиросы, тушил ее в рассеянности о скатерть, чтобы затем тотчас закурить новую.

— А между тем у него это вовсе не фраза, — отозвался Соловьев. — Раз как-то при мне он точно также заспорил за ужином и в доказательство, что ни перед чем не отступит, проткнул себе тут же вилкою ладонь.

— Насквозь?!

— Да, так-таки и пригвоздил ее к столу. Это фанатик своей идеи. Так же, как и Крестовский: для изучения трущобных жителей он целые дни проводил в трущобах³⁷.

— Да верно ли это? Посмотрите на него: неужели такому щеголю они дали бы спокойно изучать себя?

— Само собою разумеется, не в таком наряде. Раз, проходя по Сенной, я сам застал его среди нищих у церкви Спаса. «Дайте, говорит, барин, копеечку, Христа ради!» Гляжу: Крестовский в отрепьях! — Всеволод Владимирович! Вы ли это? — «Т-с-с-с! товарищи еще услышат». Но какими судьбами? «А среду изучаю». Так вот он, каков у нас! Я вам говорю: фанатик.

Соловьев был прав: таким же фанатиком в преследовании своей идеи Крестовский выказал себя и впоследствии в своих романах: «Кровавый пух» и «Тьма египетская»³⁸.

Но сегодня он был самым простым смертным и добрым малым.

— И охота тебе, Николай Семенович, как прачка, стирать старое белье, — прервал он вдруг своего горячащегося друга. — У меня вот есть нечто совсем новенькое.

И он начал рассказывать какой-то довольно легковесный анекдот, но как он его рассказывал! С какими интонациями, с какими ужимками! Положительно, нельзя было остаться серьезным; даже Лесков повеселел. За первым рассказом последовал второй, за вторым — третий. Все за столом так и покатывались со смеху.

³⁷ Как и создатель «экспериментального романа» Э. Золя, Вс. Крестовский, действительно, пытался «пережить» впечатления и опыт героев.

³⁸ Отдельное издание романа «Кровавый пух» — 1875 г., «Тьма Египетская» печаталась в журнале «Русский вестник» в 1880-е гг.

— А что бы вам, Всеволод Владимирович, прочесть нам один из ваших испанских мотивов? — заметил кто-то. Хоть бы «Андалузянку».

— «Андалузянку!» «Андалузянку!» — подхватил хор голосов.

Крестовский приподнялся с места и, опершись на спинку стула, начал:

— «Андалузская ночь горяча, горяча, —
В этом зное и страсть и бессилье...»³⁹.

Не странно ли, право, что многие из талантливых поэтов читают свои собственные стихи плохо. Страннее всего это было у Крестовского, который обыкновенные случаи из жизни передавал так мастерски, при чтении же стихов впадал в неестественную декламацию. Только что дошел он до стиха:

«Чу!.. там слышны аккорды гитары», как Лесков вскочил из-за стола:

— Постой! Разве это так читают? Садись!

Отстранив приятеля, он стал на его место и продолжал сам с прерванного стиха:

«Чу!.. там слышны аккорды гитары!..
В винограднике чьи-то шаги шелестят
И мигает огонь от сигары —
«Это он, мой гидальго, мой рыцарь, мой друг!

Это он, его поступь я чую!
Он придет — и под плащ к нему кинусь я вдруг.
И не будет конца поцелую!».

Да, это чтение было совсем иное! Так и чудился звон гитары, и приближающиеся шаги, и огонек сигары, и сам гидальго в плаще... Но лучше всего, кажется, вышло покаяние андалузянки сквозь решетку францисканцу-монаху.

Когда Лесков дочел последний куплет, кругом раздались единодушные одобрения.

— Ну, а теперь, Всеволод, обратился Лесков к приятелю: — покажи-ка себя нам по такой части, по которой тебе нет равных: пропой нам одну из твоих трущобных песен.

³⁹ Стихотворение Крестовского «Андалузская ночь» было опубликовано в сборнике «Испанские мотивы» (1862).

Крестовский не дал просить себя и, присев за фортепиано, запел. Голос у него был небольшой и слегка даже хриповатый, но пение его было до того прилажено к содержанию песни, что не думалось даже о голосе; слышалась только замечательно переданная песня⁴⁰.

Пением Крестовского и закончился вечер...

С тех пор протекло с лишком тридцать лет, и ни одного из писателей, о которых выше рассказано, нет уже в живых⁴¹. Но как для полноты ландшафта необходимы также кустарник, трава, полевые цветы, так и поле литературы не могло бы совершенно обойтись без второстепенных деятелей⁴². Вечная же память отошедшим собратьям!

Декабрь 1898 г.

Литература

1. *Авенариус В.П.* Вечер в редакции (из литературных воспоминаний шестидесятника) // Пушкинский сборник (в память столетия дня рождения поэта) / сост. П.П. Гнедич, Д.Л. Мордовцев, К.К. Случевский. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1899. С. 291–300.
2. [*Авенариус В.П.*] Несколько пояснительных слов к повести «Поветрие» от автора ее // Всемирный труд. 1867. № 4. С. 229–240.
3. *Авенариус В.П.* Ты знаешь край? // Всемирный труд. 1867. № 6. С. 1–97.
4. *Ахшарумов Н.Д.* О порабощении искусства // Отечественные записки. 1857. Т. 119. С. 287–325.

⁴⁰ Особый жанр «грущобной песни» близок здесь к городскому романсу или шансону.

⁴¹ Н.И. Соловьев скончался в 1874 г., в 1881 г. умер А.Ф. Писемский. В январе 1895 г. ушел из жизни В.В. Крестовский, месяцем позже — Н.С. Лесков. Э.А. Хан умер в 1892 г., а А.П. Милуков — в 1897 г. Таким образом, к моменту публикации этого очерка ни одного свидетеля этих событий, способного как подтвердить, так и опровергнуть написанное, не было.

⁴² Эта органицистская метафора во многом противопоставлена манифесту Ахшарумова «О порабощении искусства» (1857): «Да, на дне души мы отжили свой век, мы поссорились непримиримо с настоящим, мы потеряли всю веру в свое современное и можем утешать себя только одною надеждою, что наши потомки когда-нибудь будут счастливее нас. И надежда эта тем более может считаться основательною, что признаки возрождения, признаки новой жизни уже заметны кое-где. Там и сям попахивает уже весною; но многое, и в том числе наша литература, плетется еще по старой дороге. Придет, однако ж, время, когда и она стряхнет с себя старую кору, когда-нибудь и в ней должен начаться переворот, и тогда мы пойдем совершенно в отставку; о нас говорить даже перестанут как о людях нашей времени — мы перейдем в историю. Новые лица, новые типы, новые интересы и элементы жизни выступят на арену — и все опять зацветет, все опять оденется зеленью; а наш период уже приходит к концу. И он был не так короток, как многие думают» [4, с. 325].

5. *Боборыкин П.Д.* Алексей Потехин (к пятидесятилетию его писательства) // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1902. Т. 7. Кн. 1. С. 17–38.
6. *Боборыкин П.Д.* За полвека. Воспоминания: в 2 т. М.: ГИХЛ, 1965. Т. 1. 566 с.
7. *Гдб [Гайдебуров П.А.]* Внутреннее обозрение // Дело. 1868. № 12. С. 60–102.
8. *Гинзбург Л.Я.* О психологической прозе. О литературном герое. М.: Азбука-Аттикус, 2016. 704 с.
9. *Егоров Б.Ф.* Избранное. Эстетические идеи в России XIX века. СПб.: Летний сад, 2009. 664 с.
10. *Зубков К.Ю.* Сценарии перемен. Уваровская награда и эволюция русской драматургии в эпоху Александра II. М.: НЛЮ, 2021. 608 с.
11. *Зыкова Г.В.* Поэтика русского журнала 1830–1870 гг. М.: МАКС Пресс, 2005. 204 с.
12. *Козлов А.Е.* «Пасквиль на литературу»: журналы «Всемирный труд» и «Заря» в оценках сатирического еженедельника «Искра» // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2020. № 19 (6). С. 9–20. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2018-17-6-15-21>
13. *Лесков Н.С.* Литератор-красавец // *Лесков Н.С.* Собр. соч.: в 11 т. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 10. С. 41–54.
14. *Лесков Н.С.* Письмо Е.П. Ковалевскому. 20 мая 1867 г. // *Лесков Н.С.* Собр. соч.: в 11 т. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 10. С. 261–267.
15. *Лесков Н.С.* Повести, очерки и рассказы М. Стебницкого (автора романов «Некуда» и «Обойденные»): в 2 т. СПб.: Тип. Ю.А. Бокрама, 1867. Т. 1. 320 с.
16. *Лотман Ю.М.* Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора) // *Лотман Ю.М.* О русской литературе. Статьи и исследования: история русской прозы, теория литературы. СПб.: Искусство, 2002. С. 804–817.
17. *Маркаде Ж.* Творчество Н.С. Лескова. Романы и хроники. М.: Академический проект, 2006. 478 с.
18. *Крестовский В.В.* Петербургские трущобы. СПб.: М.: Изд. М.О. Вольфа, 1867. Т. 2. Ч. 3–4. 426 с.
19. От редакции // *Всемирный труд*. 1867. № 1. [Б. п.]
20. От редакции // *Всемирный труд*. 1867. № 9. [Б. п.]
21. *Панаев И.И.* Литературные воспоминания. М.: Правда, 1988. 448 с.
22. *Писарев Д.И.* Прогулка по садам российской словесности // *Писарев Д.И.* Литературная критика: в 3 т. / сост., примеч. Ю. Сорокина. Л.: Худож. лит., 1981. Т. 2. С. 261–326.
23. Пушкинский сборник (в память столетия дня рождения поэта) / сост. П.П. Гнедич, Д.Л. Мордовцев, К.К. Случевский. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1899. 676 с.
24. *Рейтблат А.И.* Классика, скандал, Булгарин... Статьи и материалы по социологии и истории русской литературы. М.: НЛЮ, 2020. 576 с.
25. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч.: в 20 т. М.: Худож. лит., 1970. Т. 9: Критика и публицистика. 647 с.
26. *Соловьев Н.И.* Принципы жизни // *Всемирный труд*. 1867. № 1. С. 137–178.
27. *Соловьев Н.И.* Суета сует // *Всемирный труд*. 1867. № 2. С. 167–203.

28. *Старыгина Н.Н.* Русский роман в ситуации философско-религиозной полемики 1860–1870-х годов. М.: Языки славянской культуры, 2003. 352 с.
29. *Стопановский М.* Между прочим. Провинциальные заметки петербургского жителя // *Искра*. 1866. № 46. С. 610–612.
30. [*Суворин А.С.*] Библиография и журналистика // *Голос*. 1867. № 177. С. 1–2.
31. *Томашевский Б.В.* Литература и биография // *Книга и революция*. 1923. № 4 (28). С. 6–24.
32. *Чудакова М.О.* Авенариус, Василий Петрович // *Русские писатели. 1800–1917 гг. Биографический словарь*. М.: Сов. энциклопедия, 1989. Т. 1: А–Г. С. 16–17.
33. *Ямольский И.Г.* Сатирическая журналистика 1860-х годов. Журнал революционной сатиры «Искра» (1859–1873). М.: Худож. лит., 1964. 624 с.

Research Article

Vasily Avenarius. “An Evening in the Editorial Office” (From the Memoirs of a Sixtier)

Introductory article, text preparation and notes by A.E. Kozlov

© 2024. Alexey E. Kozlov

Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia

Acknowledgements: The work was carried out at Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 23-78-01115 “Institutional History of the Magazines ‘World Labor’ and ‘Day Spring’: Reputation and Pragmatics of Critics and Fiction-Writers, Plot and Thematic Repertoire” (<https://rscf.ru/project/23-78-01115/>).

Abstract: The presented publication introduces the sketch “An Evening in the Editorial Office” by Vasily Avenarius into scientific circulation. The sketch reveals the literary life of the editorial office of the journal “Vsemirny Trud” (“World Labor”). This journal, published by Emmanuil Khan, was supposed to become the “successor” of “Otechestvennye Zapiski,” uniting critics and fiction writers who had previously published with Andrey Kraevsky. However, the general level of the journal and Khan’s dubious literary reputation prevented the realization of this plan: “World Labor” became just an episode in the history of Russian journalism in the 1860s. The work of V.P. Avenarius is in many respects a typical phenomenon, reflecting the tendencies of the entire journal: the second part of the dilogy “Povetrie” and the story “Do You Know the Edge?” were received with hostility by literary critics and characterized as “Herculean pillars of vulgarity.” However, forty years after the journal’s closure, Avenarius returns to the past on the pages of his biographical notes (having witnessed the events described, Avenarius never wrote literary memoirs, and his notes are sketchy). A small episode subtitled “From the Notes of a Sixtier” is connected with the editorial staff meeting in the house of Emmanuil Khan. The portraits of Alexey Pisemsky, Vsevolod Krestovsky, and especially Nikolay Leskov are of particular

interest to the reader. The introductory article attempts to reconstruct the relationship between Leskov and Avenarius and outline the pragmatics of the essay in question. The format of the text in the appendix complies with modern orthography and punctuation rules. The publication is dedicated to the 100th anniversary of Avenarius' death, whose literary and journalistic heritage still requires commentary and research reflection.

Keywords: Russian literature of the 19th century, Vasily Avenarius, Nikolay Leskov, "Vsemirny Trud" ("World Work"), literary memoirs, Nikolay Akhsharumov, Nikolay Solovyov, Vsevolod Krestovsky, Emmanuil Khan.

Information about the author: Alexey E. Kozlov — PhD in Philology, Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Nikolaeva St., 8. 630090 Novosibirsk, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0016-9546>

E-mail: alexeykozlov54@gmail.com

For citation: "Vasily Avenarius. 'An Evening in the Editorial Office' (From the Memoirs of a Sixtier)," introd. article, text prep. and notes by A.E. Kozlov. *Literaturnyi fakt*, no. 1 (31), 2024, pp. 8–31. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-8-31>

References

1. Avenarius, V.P. "Veчер v redaktsii (iz literaturnykh vospominanii shestidesiatnika)" ["An Evening in the Editorial Office (From the Memoirs of the Sixtier)"]. *Pushkinskii sbornik (v pamiat' stoletiiia dnia rozhdeniia poeta)* [*Pushkin Collection (In Memory of the Centenary of the Poet's Birthday)*], comp. by P.P. Gnedich, D.L. Mordovtsev, K.K. Sluchevskii. St. Petersburg, Tipografiia A.S. Suvorina Publ., 1899, pp. 291–300. (In Russ.)
2. [Avenarius, V.P.] "Neskol'ko poiasnitel'nykh slov k povesti 'Povetrie' ot avtora ee" ["A Few Explanatory Words to the Novella 'Plague' from Its Author"]. *Vsemirnyi trud*, no. 4, 1867, pp. 229–240. (In Russ.)
3. Avenarius, V.P. "Ty znaesh' kraii?" ["Do You Know the Land?"]. *Vsemirnyi trud*, no. 6, 1867, pp. 1–97. (In Russ.)
4. Akhsharumov, N.D. "O poraboshchenii iskusstva" ["The Enslavement of Art"]. *Otechestvennye zapiski*, vol. 119, 1857, pp. 287–325. (In Russ.)
5. Boborykin, P.D. "Aleksii Potekhin (k piatidesiatiletiiu ego pisatel'stva)" ["Alexey Potekhin (On the 50th Anniversary of His Writing)"]. *Izvestiia Otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk*, vol. 1, part 7, 1902, pp. 17–38. (In Russ.)
6. Boborykin, P.D. *Za polveka. Vospominaniia: v 2 t.* [*For Half a Century. Memories: in 2 vols.*], vol. 1. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1965. 566 p. (In Russ.)
7. Gdb [Gaideburov, P.A.] "Vnutrennee obozrenie" ["Internal Review"]. *Delo*, no. 12, 1868, pp. 60–102. (In Russ.)
8. Ginzburg, L.Ia. *Opsikholoicheskoi proze. O literaturnom geroe* [*On the Psychological Prose. On a Literary Hero*]. Moscow, Azbuka-Attikus Publ., 2016. 704 p. (In Russ.)
9. Egorov, B.F. *Izbrannoe. Esteticheskie idei v Rossii XIX veka* [*Aesthetic Ideas in Russia in the 19th Century. Selected works*]. St. Petersburg, Letnii sad Publ., 2009. 664 p. (In Russ.)

10. Zubkov, K. *Stsenarii peremen. Uvarovskaia nagrada i evoliutsiia russkoi dramaturgii v epokhu Aleksandra II* [Scenarios of Change. Uvarov Award and the Evolution of Russian Drama in the Era of Alexander II]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2021. 608 p. (In Russ.)
11. Zykova, G.V. *Poetika russkogo zhurnala 1830–1870 gg.* [Poetics of the Russian Journal, 1830–1870]. Moscow, MAKS Press, 2005. 204 p. (In Russ.)
12. Kozlov, A.E. “Paskvil’ na literaturu’: zhurnaly ‘Vsemirnyi trud’ i ‘Zaria’ v otsenkakh satiricheskogo ezhenedel’nika ‘Iskra’.” [“Libel of Literature’: ‘The World Labor’ and ‘Day Spring’ in the Estimates of the Satirical Weekly Magazine ‘Iskra’.”] *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Istoriia, filologiia*, no. 19 (6), 2020, pp. 9–20. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-6-9-20> (In Russ.)
13. Leskov, N.S. “Literator-krasavets” [“Handsome Writer”]. Leskov, N.S. *Sobranie sochinenii: v 11 t.* [Collected Works: in 11 vols.], vol. 10. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel’stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1957, pp. 41–54. (In Russ.)
14. Leskov, N.S. “Pis’mo E.P. Kovalevskomu. 20 maia 1867 g.” [“Letter to E.P. Kovalevsky. May 20, 1867”]. Leskov, N.S. *Sobranie sochinenii: v 11 t.* [Collected Works: in 11 vols.], vol. 10. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel’stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1957, pp. 261–267. (In Russ.)
15. Leskov, N.S. *Povesti, ocherki i rasskazy M. Stebnitskogo (avtora romanov “Nekuda” i “Oboidemye”): v 2 t.* [Novellas, Sketches and Stories by M. Stebnitsky (Author of the Novels “Nowhere” and “Outlooked”): in 2 vols.], vol. 1. St. Petersburg, Tipografiia Iu.A. Bokrama Publ., 1869. 320 p. (In Russ.)
16. Lotman, Iu.M. “Literaturnaia biografiia v istoriko-kul’turnom kontekste (K tipologicheskomu sootnosheniiu teksta i lichnosti avtora)” [“Literary Biography in the Historical and Cultural Context (Toward the Typological Relationship Between the Text and the Personality of the Author)”]. Lotman, Iu.M. *O russkoi literature. Stat’i i issledovaniia: istoriia russkoi prozy, teoriia literatury* [On Russian Literature. Articles and Research: History of Russian Prose, Theory of Literature]. St. Petersburg, Iskusstvo Publ., 2002, pp. 804–817. (In Russ.)
17. Markade, Zh. *Tvorchestvo N.S. Leskova. Romany i khroniki* [Leskov’s Poetics. Novels and Chronicles]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2006. 478 p. (In Russ.)
18. Krestovskii, V.V. *Peterburgskie trushchoby* [Petersburg Slums]. St. Petersburg, M.O. Vol’f Publ., 1867. 426 p. (In Russ.)
19. “Ot redaktsii” [“From the Editor”]. *Vsemirnyi trud*, no. 1, 1867. [S. p.] (In Russ.)
20. “Ot redaktsii” [“From the Editor”]. *Vsemirnyi trud*, no. 1, 1867. [S. p.] (In Russ.)
21. Panaev, I.I. *Literaturnye vospominaniia* [Literary Memoirs]. Moscow, Pravda Publ., 1988. 448 p. (In Russ.)
22. Pisarev, D.I. “Progulka po sadam rossiiskoi slovesnosti” [“A Walk Through the Gardens of Russian Literature”]. Pisarev, D.I. *Literaturnaia kritika: v 3 t.* [Literary Criticism: in 3 vols.], vol. 2, comp. and notes by Iu. Sorokin. Leningrad, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1981, pp. 261–326. (In Russ.)
23. *Pushkinskii sbornik (v pamiat’ stoletii dnia rozhdeniia poeta)* [Pushkin Collection (In Memory of the Centenary of the Poet’s Birthday)], comp. by P.P. Gnedich, D.L. Mordovtsev, K.K. Sluchevskii. St. Petersburg, Tipografiia A.S. Suvorina Publ., 1899. 676 p. (In Russ.)
24. Reitblat, A.I. *Klassika, skandal, Bulgarin... Stat’i i materialy po sotsiologii i istorii russkoi literatury* [Classics, Scandal, Bulgarin... Articles and Materials on Sociology and

History of Russian Literature]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2020. 576 p. (In Russ.)

25. Saltykov-Shchedrin, M.E. *Sobranie sochinenii: v 20 t.* [Collected Works: in 20 vols.], vol. 9: *Kritika i publitsistika* [Criticism and Journalism]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1970. 647 p. (In Russ.)

26. Solov'ev, N.I. "Printsipy zhizni" ["Life Principles"]. *Vsemirnyi trud*, no. 1, 1867, pp. 137–178. (In Russ.)

27. Solov'ev, N.I. "Sueta suet" ["Vanity of Vanities"]. *Vsemirnyi trud*, no. 2, 1867, pp. 167–203. (In Russ.)

28. Starygina, N.N. *Russkii roman v situatsii filosofsko-religioznoi polemiki 1860–1870-kh godov* [Russian Novel in the Situation of Philosophical and Religious Polemics of the 1860–1870s]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2003. 352 p. (In Russ.)

29. Stopanovskii, M. "Mezhdru prochim. Provintsial'nye zametki peterburgskogo zhitelia" ["By the Way. Provincial Notes of a St. Petersburg Resident"]. *Iskra*, no. 46, 1866, pp. 610–612. (In Russ.)

30. [Suvorin, A.S.] "Bibliografiia i zhurnalistika" ["Bibliography and Journalism"]. *Golos*, no. 177, 1867, pp. 1–2. (In Russ.)

31. Tomashevskii, B.V. "Literatura i biografiia" ["Literature and Biography"]. *Kniga i revoliutsiia*, no. 4 (28), 1923, pp. 6–24. (In Russ.)

32. Chudakova, M.O. "Avenarius, Vasilii Petrovich" ["Avenarius, Vasily Petrovich"]. *Russkie pisateli. 1800–1917 gg. Biograficheskii slovar'* [Russian Writers. 1800–1917. Biographical Dictionary], vol. 1: A–G [A–G]. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1989, pp. 16–17. (In Russ.)

33. Iampol'skii, I.G. *Satiricheskaia zhurnalistika 1860-kh godov. Zhurnal revoliutsionnoi satiry "Iskra" (1859–1873)* [Satirical Journalism of the 1860s. Journal of Revolutionary Satire "Iskra" (1859–1873)]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1964. 624 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 20.09.2023
Одобрена после рецензирования: 18.12.2023
Дата публикации: 25.03.2023

The article was submitted: 20.09.2023
Approved after reviewing: 18.12.2023
Date of publication: 25.03.2024